

Н.А. Шалимова

Лопехин

ЛОПАХИН — герой комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903).

В отличие от других персонажей комедии, чья «перспектива чувств» уходит в прошлое (Раневская, Гаев, Фирс) или в будущее (Трофимов, Аня), Лопехин — весь в «настоящем», переходном, неустойчивом времени, разомкнутом в обе стороны «временной цепи» (Чехов). «Хам», — однозначно аттестует его Гаев. По мнению Трофимова, у Лопехина «тонкая, нежная душа» и «пальцы, как у артиста». Правы оба. И в этой правоте обоих «психологический парадокс» образа Лопехина.

«Мужик мужиком» — несмотря на часы, «белую жилетку» и «желтые сапоги», несмотря на все его богатство, — Лопехин работает, как мужик: встает «в пятом часу утра» и трудится «с утра до вечера». Он находится в постоянной деловой горячке: «надо спешить», «пора», «время не ждет», «некогда разговаривать». В последнем действии, после покупки вишневого сада, его деловой азарт переходит в какую-то нервную деловую лихорадку. Он уже не только сам спешит, но и торопит других: «Поторапливайтесь», «Пора ехать», «Выходите, господа...».

Прошлое Лопехина («Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал, меня не учил, а только бил спьяна, и все палкой») проросло в настоящее и отзывается в нем: дурацкими словечками («Охмелия...», «до свидания»); неуместными шуточками; «скверным почерком», из-за которого «от людей совестно»; засыпанием над книжкой, в которой «ничего не понял»; рукопожатием с лакеем и пр.

Лопехин охотно одалживает деньги, являясь в этом смысле «нетипичным» купцом. Он «попросту», от сердца предлагает их Пете Трофимову в дорогу. Он искренне заботится о Гаевых, предлагая им «проект» спасения от разорения: разбить вишневый сад и землю по реке на дачные участки и потом сдавать их в аренду под дачи. Но именно в этой точке и завязывается неразрешимый драматический конфликт: во взаимоотношениях «спасателя» Лопехина и «спасаемых» владельцев имения.

Конфликт не в классовом антагонизме, не в противостоянии экономических интересов или враждебно настроенных личностей. Конфликт располагается совсем в другой области: в тонкой, почти неразличимой сфере «культуры чувств». В сцене приезда Раневской Лопехин видит ее светлую радость при встрече с домом, детством, прошлым; наблюдает растроганность Гаева, волнение Фирса. Но он не в силах разделить эту радость, это волнение, эту «знобкость» чувств и настроений — он не в силах сочувствовать. Ему и хотелось бы сказать «что-нибудь очень приятное, веселое», но он охвачен другой радостью и иным волнением: он знает, как можно спасти их от разорения. Он торопится обнародовать свой «проект» и наталкивается на возмущенное гаевское «Чепуха» и смущенные слова Раневской: «Милый мой, простите, вы ничего не понимаете». Произнося слова о необходимости «побрать» здесь, «почистить», «снести», «вырубить», он даже не понимает, в какой эмоциональный шок повергает тем самым владельцев родового имения, с которым связана вся их жизнь. Эта грань оказывается непреходимой ни для одной, ни для другой стороны драматического конфликта.

Чем активнее добивается Лопехин согласия на снос старого дома и вырубку вишневого сада, тем глубже становится пропасть непонимания. С развитием действия растет и эмоциональное напряжение этого противостояния, на одном полюсе которого лопехинское «Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили!» — а на другом чувство Раневской: «Если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом». Лопехин не может понять, что для Раневской

простое «да» означает полное самоуничтожение и саморазрушение личности. Для него этот вопрос «совсем пустой».

Скудость эмоционального «спектра», душевный «дальтонизм», глухота к различению оттенков чувств делают для Лопихина невозможным близкий, сердечный контакт с Раневской, которую он «любит, как родную, больше, чем родную». В Лопихине нарастает какое-то смутное сознание своей обделенности, тяжелое недоумение перед жизнью. Он стремится не дать воли этим мыслям и «забывает» их напряженной работой: «Когда я работаю подолгу, без усталости, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую». В часы бессонницы он способен к масштабным обобщениям: «Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами». Но в жизни это приводит к «размахиванию руками» и отчужденному замечанию Раневской: «Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают». В мире дворянской культуры грубая резкость и определенность чувств Лопихина — неуместны. Равнодушный к красоте и поэзии вишневого сада, Лопихин имеет свои понятия о красоте: «Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чистого. А когда мой мак цвел, что это была за картина!»

С наибольшей открытостью тоскливая внутренняя сила Лопихина прорвалась в сцене возвращения с торгов. Пьяный кураж монолога — с топотом ног, с хохотом и слезами — выразил «тонкую и нежную» душу «хама». Пусть «как-то случайно» (К. Станиславский), «почти невольно», «неожиданно для себя», но имение Раневской он все-таки купил. Он делал все, чтобы спасти хозяев вишневого сада, но не имел душевного такта не рубить его на глазах у бывших владельцев: торопился очистить от «прошлого» площадку под «будущее».

Первый исполнитель роли Лопихина — Л. Леонидов (1904). Среди других исполнителей — Б. Добронравов (1934), В. Высоцкий (1975).